

УДК 82

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТНОМ МИРЕ КАРЕЛЬСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗОК, ЗАПИСАННЫХ В 1937-1958 ГОДАХ)*

**САФРОН
ЕЛЕНА
АЛЕКСАНДРОВНА**

*доктор филологических наук,
профессор кафедры германской филологии и
скандинавистики,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
00inane@gmail.com*

**СУХОЦКАЯ
ИОЛАНТА
ВЛАДИМИРОВНА**

*магистрант Института филологии,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
iolantius@gmail.com*

Ключевые слова:

фольклористика
каральская волшебная сказка
предметный мир
реалии
Северная Карелия

Аннотация:

В статье рассматриваются новые элементы предметного мира на материале волшебных сказок, записанных в 1937–1958 годах в Калевальском, Медвежьегорском и Сегежском районах от рассказчиков старше сорока лет. Тексты были опубликованы карельским фольклористом У. С. Конкка в 1963 году в составе сборника «Карельские народные сказки», первого тома двухтомного издания сказок региона. В сказочных текстах были выделены предметы, связанные с изменениями бытовых условий (подписка, пиджак), научно-техническим прогрессом (фотография, телефонные провода) и увеличением роли городской среды (квартира, помещение). Из 39 волшебных сказок новые элементы были обнаружены в 10 текстах. Был сделан вывод о том, что бытовой мир карельской волшебной сказки постепенно меняется, в сказки проникают реалии XX века, часто заменяя собой предметы-предшественники без утраты семантики, что указывает на способность народной сказки обновлять элементы, но сохранять неизменной основу.

© 2023 Петрозаводский государственный университет

Получена: 25 ноября 2023 года

Опубликована: 25 декабря 2023 года

Введение

Народные сказки уже долгое время служат материалом для разнообразных исследований. В. Я. Пропп в фундаментальном труде «Морфология волшебной сказки» доказал, что «все волшебные сказки однотипны по своему строению» [6: 26]. Фольклорист определил, что волшебные сказки имеют строгую структуру, которая остается неизменной, несмотря на то, что ее элементы могут опускаться или чередоваться. В свою очередь, рассказчик наполняет основу сказки формулами, повторами, вставными эпизодами и внесюжетными элементами. Находит в фольклорном тексте отражение и окружающий

людей быт, который имеет свойство иногда стремительно меняться.

Появление в тексте сказок современных реалий отмечалось еще во второй четверти XX века. Так, в 1934 году А. И. Никифоров анализирует материал пятидесяти сказок о животных и сравнивает его с одиннадцатью волшебными сказками на сюжет «Змееборец». Ученый исследует тексты, записанные в 1926–1928 годах в Олонецкой и Архангельской губерниях. Фольклорист отмечает: «...новые и чуждые для коренной северной деревни названия и знания совсем еще не приобщились ни к железной дороге и ее номенклатуре, ни к авто-мото-авиотранспорту, который изредка начинает проникать в других районах СССР» [5: 389]. Таким образом, с одной стороны, в ряде фольклорных текстов 1926–1928 годов процесс привнесения новых предметов быта в волшебную сказку еще не начал происходить. С другой стороны, А. И. Никифоров, описывая городскую среду в сказках о змееборстве, указывает на упоминание красного знамени: «Пошел он по городу: увидел красное знамя и бьют барабаны, играют музыки» [5: 390]. Ученый отметил, что советская символика реализуется именно в контексте образа города.

В монографии 1975 года, посвященной русской народной сказке, Н. М. Ведерникова указывает на сохранение актуальности волшебной сказки в советское время. Фольклорист отмечает «введение новой лексики», более соответствующей изменившемуся быту [1: 35]. Н. М. Ведерникова характеризует сказку и фольклор как явления, которые тесно связаны с реальностью и «адресованы современнику» [1: 116]. Черты новой действительности связаны с деталями обстановки, «“подновлением” традиционных мотивов» [1: 127]. По мнению фольклориста, обновление сказочного словаря конфликтует со сложившимися традициями, вследствие чего новые детали, не успевая стать полностью освоенными в языке и сознании, «разрушают эстетику народных сказок» [1: 127].

Бытовые реалии русской сказки становились предметом отдельного исследования и фольклористов второй половины XX века. В монографии 2009 года В. Е. Добровольская обобщает опыт предшественников и представляет классификацию предметных реалий русской волшебной сказки. Исследователь делит бытовой мир сказки на «предметные реалии» – «элементы предметного мира, которые влияют на развитие сказочного сюжета», и на «вещи», напрямую не связанные с сюжетом [2: 22]. В. Е. Добровольская оговаривает факт того, что в зависимости от сюжета предметная реальность может становиться вещью и наоборот. В классификации предметных реалий представлены традиционные для сказок объекты (например, изба, платье, яйцо и др.) [2: 25]. Однако в монографию не попали более новые элементы предметного мира сказки, в том числе и привнесенные новой эпохой.

Вопрос о том, какие предметные реалии можно считать традиционными, а какие – привнесенными, еще не решен в фольклористике. Заметно выделяются в сказочных текстах советские реалии, отражающие изменившуюся эпоху, повлиявшую и на быт. Кроме того, в сказках встречаются упоминания механизмов и недавних для того времени достижений человечества. Целью исследования стало проследить, какие реалии проникают в волшебную сказку Северной Карелии, какие сюжеты в большей степени обогатились подобными деталями и есть ли зависимость между пространственным миром сказки и количеством привнесенных предметов.

Новые предметы волшебной сказки Северной Карелии

Материалом для исследования выступил опубликованный в 1963 году первый том двухтомного издания карельских сказок под названием «Карельские народные сказки». В сборник вошло 80 текстов, записанных в Северной Карелии, которые были сопровождены русским переводом. Составитель издания – известный карельский фольклорист У. С. Конкка. Сказочная традиция северных карел исторически подвергалась меньшему русскому влиянию, в отличие от сказок южной Карелии. Так, У. С. Конкка указывает: «многие южнокарельские сказки по стилю рассказывания ближе к русским сказкам, чем к собственно карельским, в которых мы выше отметили лаконичность изложения» [3: 36].

В рамках данного исследования были рассмотрены 39 волшебных сказок. В ряде текстов встречаются предметы одежды, свидетельствующие об изменении во внешнем виде жителей Карелии. Так, в сказке «Иван Медведев» («Ivan Med'ved'ev»), записанной Т. Ананиной в 1937 году в Медвежьегорском районе от М. В. Исаковой (72 года), главный герой, рожденный медведицей, обладает большой силой: трехпудовую железную палку он «между пальцами сломал» [3: 86]. После предательства братьев Иван Медведев остается в подземном царстве. Ночью герой замечает одиноко сидящих в гнезде птенцов орла, после чего «снимает пиджак и накрывает их пиджаком» [3: 89]. В благодарность вернувшаяся утром орлица возвращает героя на землю. Пиджак в сказке «Иван Медведев» служит предметом, помогающим герою совершить доброе действие и вернуться домой. При этом подобным целям может послужить практически любой предмет верхней одежды, пиджак не имеет уникальных свойств, скорее отражает изменившийся быт, где этот предмет одежды получает широкое распространение.

В подобном ключе новые предметные рамки вошли и в «Сказку про козла» («Karehen starina»), записанную Р. Пирхонен в 1958 году в Сегежском районе. Рассказчица – Е. И. Тимофеева (72 года). Козел забирает оставленную родителями девочку и заботится о ней, а молоко «в городе у женщин просит, в царев дом идет просить» [3: 146]. Когда героиня взрослеет, то хочет получить у животного одежду. Козел повторно идет к царю и желает получить «каких-нибудь платьев да комбинашек» [3: 146]. Царский сын, тайком увидев девушку, заказывает ей «пальто хорошее» [3: 147]. Далее в сказке появляется вредительница Сюотяри, которая подменяет героиню, заманив ее в озеро. С помощью козла царевич узнает правду и убивает вредительницу. В данном случае желание героини получить предметы одежды двигает сюжет сказки, но на их месте может находиться любая другая вещь.

Своеобразна сказка «Черная овца» («Mušta lammas»), записанная в 1937 году в Калевальском районе В. Кормуевым от Н. М. Каллио (41 год). Вредительница Сюоттар превратила мать главной героини в овцу и настояла на том, чтобы ее зарезали. Уезжая на царский пир, антагонист дает девушке невыполнимое задание. Мать главной героини помогает дочери выполнить задание и подсказывает ей, как отправиться на пир: «как я спущусь сейчас в могилу, то вышлю тебе лошадь, ты в одном ухе вымойся, в другом оденься и поезжай на этой лошади на пир» [3: 180]. Убегая, героиня выбрасывает перчатку, кольцо и галошу. Именно эти предметы становятся способом найти героиню: «кому подойдет эта галоша, перчатка да кольцо – та и будет невестой царевича» [3: 182]. В карельской сказке 1937 года предметной реалией становится не туфелька, а галоша, более релевантная быту людей того времени. Подобное изменение может быть объяснено и географическим положением региона. Упоминание в приведенных выше текстах пиджака, пальто и галоши свидетельствует об их присутствии в жизни жителей Карелии.

В текстах, зафиксированных фольклористами в 1940-х годах, встречается упоминание оружия и связанных с ними элементов. Так, сказка «[Два брата]» была записана О. Елисеевой в 1941 году в Сегежском районе от Ф. А. Елагиной (81 год). Из пойманной стариком щуки появляются два брата – Василий и Иван Шутины. Герои отправляются путешествовать. Василий узнает, что «есть помещение, куда нужно каждый день приводить человека змею на съедение» [3: 96]. Василий спасает царскую дочь от трех змеев, но солдат, которому было приказано проследить за дочерью, застрелил главного героя. Чудесное Василия воскрешение происходит благодаря мыши: «Мышка зализала след от пули – мужик и ожил» [3: 98]. Солдат готовится к свадьбе. Василий приходит на свадьбу, переодетый в нищего, но невеста узнает спасителя. Происходит разоблачение солдата, и «буфет кончился» [3: 99]. Подобный акцент на природе пулевого ранения может быть связан с военными действиями, происходившими в регионе. Более того, в сказке жертва змея находится в особом помещении – новой реалии. Своеобразно и название свадебного пира – буфет.

Упоминание пистолета встречается в «Сказке о Тухкимусе и кунице» («Tuhkimuš-niätästarina»), которая была записана в 1949 году Э. Тимонен от исполнительницы карельских эпических песен Т. А. Перттунен (69 лет). Рассказчица – уроженка Калевальского района. Сюжет (СУС 530А) включает в себя попытки братьев поймать куницу, посещающую семейную ригу. Она выступает чудесным дарителем для младшего брата Тухкимуса. С помощью куницы Тухкимус преображается: «[Тухкимус] в одном ухе умывается, в другом одевается. Пистолет поперек на спине. Куница дала лошадь Тухкимусу. Тухкимус поехал на царские пиры-балы» [3: 210]. С помощью пистолета главный герой выполняет задание царя: выстрелить в сережку, браслет и кольцо царским дочерям. Тухкимус отдает невест старшим братьям и живет богато. В этом тексте упоминается пистолет как средство для преодоления испытаний царя.

Находят в сказочных текстах и следы технологического прогресса. В сказке «Тухкимус-Тяккимус» («Tuhkimus-Tähkimys»), записанной О. Пергамент в 1937 году от Т. К. Алимпиевой (81 год) в Сегежском районе. Старшие братья отправляются на поиски чудесной птицы, но попадают в тюрьму к девушке. Волк помогает младшему брату Тухкимусу добыть птицу. Нарушив указание волка, Тухкимус решает достать и клетку. В этот момент «барабаны заиграли, барабаны заиграли!» [3: 243]. С помощью волка Тухкимус добывает птицу, коня и царскую дочь. Около столба герой останавливается и ложится спать. Конь качает столб, и у девушки, которая держит старших братьев в тюрьме, «телефонные провода звенят в избе» [3: 244]. Услышав этот звон, она решает отпустить братьев. Так, барабаны в тексте реагируют на нарушение запрета главным героем. Упоминаются в сказке и телефонные провода, реалия, связанная с распространением этого вида связи.

Текст «Сказка о сороках» («Harakkastarina») был записан Э. Тимонен в 1947 году в селе Ухта Калевальского района от известной сказительницы М. И. Михеевой (63 года). Три дочери и сын остаются одни после смерти царя и его жены. Одну за другой сестер забирают себе сороки, которые оборачиваются мужчинами. Брат находит в запертой комнате фотографию: «Он когда увидел эту

фотографию, тут же упал навзничь. Такая там была красавица. На обороте фотографии было написано: «Мария-прекрасная девушка» [3: 275]. Герой влюбляется в Марию и отправляется на ее поиски. Роль портрета в данном тексте играет фотография – реалия, получившая распространение в Карелии приблизительно в это время. Заключение договора при двух свидетелях указывает на развитие деловых контактов между жителями Карелии.

Ряд реалий, в том числе и технологических, содержит сказка «[Волшебное кольцо]», которую записал Я. Ругоев в 1937 году в Сегежском районе от К. Т. Калинина (60 лет). Сюжет широко распространен в Карелии и имеет множество вариантов. В приведенном в сборнике тексте главный герой идет в работники, чтобы прокормить одинокую мать. Спустя год «пришел день получки» [3: 293]. На первую получку герой покупает собаку, на вторую – кошку. После этого герой решает сменить работу, пойти «подсеку делать» [3: 294]. Получив кольцо, способное исполнять желания, главный герой решает взять царскую дочь в жены и выполняет задания царя. Герой с помощью кольца получает дом «на два очка лучше, чем у царя» [3: 295]. После свадьбы жена узнает тайну своего мужа, забирает себе кольцо и возле их дома «появляется пароход» [3: 296]. Волшебные помощники узнают, что жена главного героя «уехала в Норвегию» [3: 297]. Так, в тексте сочетается и момент выплаты получки, и использование нового вида транспорта. В приведенных текстах упоминается фотография, пароход и телефонные провода.

Отдельно можно выделить упоминание реалий, связанных с образом города и деловой сферой. Сказку «Царь Давид» («Caг' Davida») записала П. Куйкка в 1939 году в Сегежском районе от К. И. Ананиной (61 год). Большой по объему текст представляет собой сложную контаминацию трех сюжетов. В ходе поиска живой воды для стареющего отца Николай-царевич спасает старших братьев от девушки, спрятавшей их в погреб. Главный герой говорит девушке: «дай подписку, что не будешь больше никого мучить, тогда можешь оставаться здесь жить. Но если услышу, что ты опять за прежнее взялась, так мы тебя проучим» [3: 262]. Получение подписки – результат изменения в социальной сфере, которое свидетельствует об активном использовании данного вида договоренности в Карелии.

Городская среда присутствует в тексте «Сказка об Ольховой Чурке» («Leppäpölkyn starina») был записан Э. Тимонен в 1947 году уже в Петрозаводске от М. И. Михеевой, уроженки Калевальского района. Ольховая чурка у бездетных старика и старухи превратилась в ребенка. Мальчик быстро вырос и обладал большой силой, поэтому ушел искать работу. По пути он встречает двух таких же сильных людей. Они поселяются в доме старика «ростом с локоть, борода два локтя» [3: 317]. Ольховая Чурка сражается с антагонистом и побеждает его, спасая царскую дочь. Братья оставляют главного героя под землей. Вернувшись обратно, Ольховая Чурка идет в город к старой вдове «проситься на квартиру» [3: 319]. Он узнает о предстоящей свадьбе спасенной им девушки и одного из братьев. Невеста узнает главного героя и приводит его к царю, после чего «обманщиков расстреляли» [3: 319]. Мотив расстрела как способа наказания братьев-предателей может быть связан с недавно закончившимися военными действиями. Главный герой, попадая в городскую среду, идет к вдове, которая живет не в избе, а в квартире. Таким образом, изменения образа жизни жителей Карелии нашли свое отражение в реалиях сказочного текста.

Заключение

Таким образом, предметные реалии начала XX века постепенно проникают в волшебную сказку Северной Карелии 1937–1958 годов. Главный герой может смотреть на фотографию красивой девушки, жена может приплыть домой на пароходе, в избе звенят телефонные провода, а изба может стать городской квартирой. Как правило, эти предметы связаны с образом города, куда герой отправляется в начале или середине сказки. Чаще новые предметы возникают в сказках, где главный герой – юноша. Вероятно, сюжеты о падчерицах, где городская среда встречается реже, были более устойчивыми и передавались в малоизмененном виде. Важно, что эти элементы не меняют сюжет сказки, не влияют на ее структуру и могут быть заменены на аналогичные реалии из предыдущих эпох. В целом, подобные замены, «осовременивающие» сказку, указывают на универсальный характер этого жанра фольклора. Е. М. Неёлов, описывая сказку, отметил: «она способна трансформироваться, сохраняя в то же время свою сказочную суть» [4: 46].

* Исследования, описанные в данной работе, были проведены в рамках проекта «Образ Тухтимуса как символ Республики Карелия», поддержанного в рамках Программы поддержки НИОКР студентов, аспирантов и лиц, имеющих ученую степень, обеспечивающих значительный вклад в инновационное развитие отраслей экономики и социальной сферы Республики Карелия в 2023 году, финансируемой Правительством Республики Карелия (Договор №3-Г22 от 29.12.2022 между ФГБОУ ВО «Петрозаводский

государственный университет» и Фондом венчурных инвестиций Республики Карелия).

Список литературы

1. Ведерникова Н.М. Русская народная сказка / Н.М. Ведерникова. М.: Наука, 1975. 134 с.
2. Добровольская В.Е. Предметные реалии русской волшебной сказки / В.Е. Добровольская. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009. 224 с.
3. Карельские народные сказки // Сост. У.С. Конкка. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 530 с.
4. Неёлов Е.М. Сказка. Фантастика. Современность / Е.М. Неёлов. Петрозаводск : Карелия, 1987. 126 с.
5. Никифоров А.И. Социально-экономический облик северно-русской сказки 1926-1928 годов / А.И. Никифоров // Сергею Федоровичу Ольденбургу : к пятидесятилетию научно-общественной деятельности 1882-1932. Л.: 1933, стр. 377-397.
6. Морфология волшебной сказки / В.Я. Пропп // Морфология волшебной сказки ; Исторические корни волшебной сказки ; Русский героический эпос. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 1186 с.

References

1. Vedernikova N.M. Russian folk tale / N.M. Vedernikova. Moscow: Nauka, 1975. 134 p. (In Russ.)
2. Dobrovolskaya, V.E. Subject realities of the Russian magic fairy tale / V.E. Dobrovolskaya. Moscow: State Republican Centre of Russian Folklore, 2009. 224 p. (In Russ.)
3. Karelian folk tales // Compiled by U.S. Konkka. U.S. Konkka. Moscow, Leningrad : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1963. 530 p. (In Russ.)
4. Neyolov E.M. Fairy tale. Fiction. Modernity / E.M. Neyolov. Petrozavodsk : Karelia, 1987. 126 p. (In Russ.)
5. Nikiforov, A.I. Socio-economic appearance of the Northern Russian fairy tale of 1926-1928 / A.I. Nikiforov // To Sergei Fedorovich Oldenburg : to the fiftieth anniversary of scientific and social detail 1882-1932. Leningrad : 1933, pp. 377-397. (In Russ.)
6. Morphology of a magic fairy tale / V.Y. Propp // Morphology of a magic fairy tale ; Historical roots of a magic fairy tale ; Russian heroic epic. SPb.: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2022. 1186 p. (In Russ.)

THE MATERIAL WORLD IN KARELIAN FAIRY TALES: ANALYZING FAIRY TALES RECORDED BETWEEN 1937 AND 1958

**SAFRON
Elena**

*PhD in Philology,
Associate Professor of Department of German Philology
and Scandinavian Studies,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation, 00inane@gmail.com*

**SUKHOTSKAYA
Iolanta**

*Master degree candidate,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation, iolantius@gmail.com*

Keywords:

folklore studies
Karelian fairy tale
object world
realia
North Karelia

Summary:

This article explores the innovative elements present in the material world depicted in Karelian fairy tales collected between 1937 and 1958 in the Kalevala, Medvezhegorsk, and Segezha districts, primarily from storytellers over the age of forty. The compilation was made by Unelma Konkka, a Karelian researcher, and published in her 1963 collection titled *Karelian Folk Tales*, the first of the two volumes with the fairy tales of this region. By conducting a thorough analysis, this article identifies various objects in the tales that reflect the ongoing transformations in everyday life (subscription, jacket), scientific and technological progress (photograph, telephone wires), and the growing influence of urban environment (apartment, premises). During the analysis, it was discovered that 10 out of the 39 analyzed fairy tales contained new elements, suggesting a gradual change in the everyday world depicted in Karelian fairy tales. These new realia of the twentieth century penetrated into the tales and often replaced their predecessors without losing the underlying semantics. This finding indicates the ability of folk tales to incorporate contemporary elements while maintaining their core themes and values.